

БЛОК И М. А. ВОЛОШИН

I. ВСТРЕЧИ БЛОКА С ВОЛОШИНЫМ

Сообщение В. П. Купченко

Блок и Максимилиан Волошин были поэтами второго поколения русских символистов, в их судьбах немало общего. Волошин в автобиографии отмечал «последний год постылого XIX века», 1900-й, — «когда явственно стали прорастать побеги новой культурной эпохи, когда в разных концах России несколько русских мальчиков, ставших потом поэтами и носителями ее духа, явственно и конкретно переживали сдвиг времени. То же, что Блок в Шахматовских болотах, а Белый у стен Новодевичья монастыря, я по-своему пережил в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов...»¹. Одновременно и в тех же изданиях состоялись поэтические дебюты Блока и Волошина: в 1903 г. в журнале «Новый путь» и альманахе «Северные цветы».

Личное знакомство поэтов произошло, по-видимому, зимой того же 1903 г. Находясь с 3 января по 2 февраля в Петербурге, Волошин, получивший от К. Д. Бальмонта в Париже ряд рекомендательных писем, познакомился с В. Я. Брюсовым, Д. С. Мережковским, Н. М. Минским, В. В. Розановым, Венгеровыми. В письме к Е. С. Кругликовой, в котором Максимилиан Александрович перечислял свои новые знакомства, имени Блока еще нет². Но позже, в автобиографии 1925 г., он именно к 1903 г. отнес знакомство «со сверстниками — А. Белым, Блоком».

Вне сомнения, знакомство было мимолетным. В последующие два года в переписке Блока Волошин упоминается лишь однажды³. Волошин также, по-видимому, только раз вспомнил Блока в своих письмах. 24 октября 1905 г., в Париже, он переписал для М. В. Сабашниковой стихотворение Блока «Мой любимый, мой князь, мой жених...», которое ему «мерещилось по вечерам» и где он «неуловимо чувствовал» свою будущую жену. «Иногда мне бывает странно, что это не я написал», — прибавлял Максимилиан Александрович.

Более близкое знакомство поэтов произошло зимой 1906—1907 гг., когда Волошин с женой поселился в Петербурге. Молодые супруги сняли квартиру на Таврической улице, в одном доме с Вячеславом Ивановым, и стали активными участниками кичуей, культурно перенасыщенной жизни, которая шла на ивановской «Башне». Можно заметить своего рода хронику вечеров, на которых присутствовали и Блок, и Волошин:

14 октября 1906 г. — чтение Блоком его драмы «Король на площади» у В. Ф. Комиссаржевской⁴.

21 октября — чтение Вячеславом Ивановым его «Дифирамба», у Комиссаржевской же⁵.

28 декабря — репетиция «Балаганчика».

30 ноября Блок «был у Волошиных»⁶, — о чем последний писал уехавшей в Финляндию жене 1 декабря: «У нас был Блок во время обеда и обедал Вячес. Иванов».

6 января 1907 г. Блок письмом приглашает Волошина на чтение «Незнакомки», состоявшееся 12 января:

«Многоуважаемый Максимилиан Александрович.

Не можете ли Вы собраться ко мне в пятницу 12-го января вечером? Мне хотелось бы, чтобы Вы услышали мою пьесу «Незнакомка». Сейчас у меня жар и я сижу дома; если это затянется, или примет серьезный оборот, я извещу Вас. А пока позвольте ждать Вас двенадцатого. Адрес мой: Петербургская Сторона, Лахтинская ул., 3, кв. 44.

Искренно уважающий Вас

Александр Блок

6 янв. 1907»⁷.

Весной того же года, задумав написать цикл статей о новой русской литературе («ряд характеристик-портретов»), Волошин, разумеется, не мог обойти Блока. 27 марта он сообщил жене из Коктебеля, что «начал писать статью о Блоке (о «Нечаянной радости»)». Статья эта: «Лики творчества. Александр Блок. Нечаянная радость» — появилась в газете «Русь»,

М. А. ВОЛОШИН

Фотография, 1910, Коктебель

Литературный музей, Москва

№ 101, 11 апреля 1907 г. Рядом с «ликами современных поэтов»: К. Бальмонта, В. Иванова, В. Брюсова, А. Белого — Волошин выделяет лицо Блока. «Академически нарисованное, безукоризненное в пропорциях, с тонко очерченным лбом, с безукоризненными дугами бровей, с короткими вьющимися волосами, с влажным изгибом уст, он напоминает строгую голову праксителева Гермеса, в которую вправлены бледные глаза из прозрачного тусклого камня. Мраморным холодом веет от этого лица». В «гибком и задумчивом» стихе Блока Волошин слышит его голос. «Сам он читает свои стихи неторопливо, размеренно, ясно, своим ровным, матовым голосом. Его декламация разворачивается — строгая, спокойная, как ряд гипсовых барельефов. Все оттенено, построено точно, но нет ни одной краски, как и в его мраморном лице. Намеренная тусклость и равнодушие покрывают его чтение, скрывая, быть может, слишком интимный трепет, вложенный в стих. Эта гипсовая барельефность придает особый вес и скромность его чтению».

Отталкиваясь от этих внешних черт, увиденных острым глазом художника, критик лепит образ «поэта-мечтателя», «поэта сонного сознания». По словам М. В. Сабашниковой, «Блоку очень понравилась рецензия о нем», — «только он просит тебя приписать ему больше сознания», — прибавляет она в письме к мужу от 22 апреля 1907 г.

В апреле же 1907 г. в Коктебеле, приветствуя сонетом «Я здесь расту один, как пыльная агава...» рождение сборника «Цветник Ор», Волошин называет и Блока: «Там снежный хмель взрастил и розлил Александр». О горячем интересе Волошина к поэзии Блока косвенно говорит шарж А. Белого в его «Кубке метелей»: «На другой день всех объездил Волошин, воспевая чудо св. Блока»⁸.

Между тем, и Волошину, и Блоку становилось все труднее в атмосфере ивановской «Башни». 20 сентября 1907 г. Максимилиан Александрович записал в дневнике: «Белый рассказывает, что Блок приезжал в Москву каяться, мирился (с москвичами. — В. К.) и отрекался от Вячеслава». Сам Волошин тут же отмечает: «В литературе — отравленная атмосфера воспаленных самолюбий. В ней погибнут многие таланты и многие страстные сердца».

Отдельные встречи Блока и Волошина зафиксированы весной 1908 г. Согласно письму В. Я. Степанова Г. И. Чулкову от 12 апреля, оба они входили в организационное бюро «Северной студии»⁹. 4 мая Волошин был на чтении Блоком драмы «Песня судьбы» у Чулковых¹⁰. 10 мая Блок и Волошин присутствуют на банкете издательства «Шиповник», где их и запечатлел, среди других, художник Петр Троянский¹¹.

В 1909—1910 гг. поэты, без сомнения, встречались на редакционных заседаниях «Аполлона» и на собраниях «Поэтической академии». (Блок, как известно, состоял членом президиума последней)¹². Волошин бывал и в квартире Блока на Галерной улице, где однажды прочел ему первую строку стихотворения Катулла «Аттис», поразившую Блока¹³. Другое свидетельство их общения в то время — дарственная надпись Волошина на его книге «Стихотворения. 1900—1910»: «Александр Блоку Максимилиан В о л о ш и н. «Я шорох знал Ее шагов И шелест чувствовал одежды». 19⁷/_{IV} 10. Коктебель»¹⁴. В 1911 г. Блок и Волошин приняли участие в «грузинском вечере»¹⁵.

Всегда стремившийся постичь душу поэта и через его внешний облик, Волошин при встречах с Блоком по-прежнему пристально вглядывался в него. Известный портрет Блока работы К. А. Сомова его не удовлетворил. «Лицо Блока само по себе — маска греческого бога. (Маска гипсовая, но не мраморная: здесь вся разница в материале, а не в чертах и пропорциях). Но это маска не культурная, а наложенная на его лицо от природы. Только глаза своею усталостью тусклое отражают Петербург. Этого характера противоречий, Сомов, на мой взгляд (...) не уловил»¹⁶. В более поздней статье «Голоса поэтов» Волошин зафиксировал «отрешенный, прислушивающийся и молитвенный голос А. Блока»¹⁷.

Отголоском личных встреч был и позднейший отзыв Волошина о Блоке (в письме к Е. К. Герцык, после чтения дневника Блока): «В Блоке была странная пустота. Может, она и порождала это гулкое лирическое эхо его стихов. Он проводил часы, вырезывая и наклеивая картинки из „Нивы“»¹⁸.

Весной 1916 г., по пути из Франции в Крым, Волошин на двенадцать дней останавливался в Петрограде. В эти дни, с 5 по 16 апреля, он надписал свою, только что вышедшую книгу стихов «Anno Mundi Ardentis 1915»: «Дорогому Александру Александровичу Блоку. Максимилиан В о л о ш и н. СПб. 1916»¹⁹. Передать книгу лично поэт не успел и просил об этом Е. Я. Эфрон. Ответное письмо Блока, оставшееся до сих пор неизвестным и поступившее в 1979 г. в ЦГАЛИ в составе архива Е. Я. Эфрон, публикуется ниже (см. сообщение Р. Б. Вальбе).

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ набросок «Автобиографии» («Родился в Киеве в 1877 г.»...) — ИРЛИ, ф. 562. Здесь же хранятся все другие материалы, приводимые без ссылки на источник.

² Письмо от 2 февраля 1903 г.

³ VIII, 83.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 52, л. 143.

⁵ Там же, л. 153.

⁶ «Письма к родным», I, с. 160.

⁷ Впервые опубликовано (на украинском языке) в журн. «Радянське літературознавство», 1970, № 5, с. 43.

⁸ А. Б е л ы й. Кубок метелей. М., «Скорпион», 1908, с. 24.

⁹ ГБЛ, ф. 371, к. 4, ед. хр. 65.

¹⁰ VIII, 240, и дневник М. Волошина «История моей души» (рукопись), с. 62.

¹¹ «Прометей», № 1, М., «Молодая гвардия», 1968, с. 246, 247; «Чужоккала». М., «Искусство», 1979, с. 155—157. См. наст. кн., с. 221.

¹² С. М а к о в с к и й. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962, с. 150.

¹³ «Дневник Ал. Блока, 1911—1913». Л., 1928, с. 117.

¹⁴ ИРЛИ, библиотека, 94⁸/49. Строки из стихотворения Волошина „Она“, в котором можно усмотреть определенную перекличку с образом блоковской Прекрасной Дамы.

¹⁵ Письмо Блока к Г. Чулкову от начала февраля 1911 г. — «Письма А. Блока», с. 131.

¹⁶ М. В о л о ш и н. Художественные итоги зимы 1910—1911 гг. (Москва). — «Русская мысль», 1911, № 6, с. 26.

¹⁷ Речь, 1917, № 129, 4. VI.¹⁸ Письмо на обороте акварели Волошина, датированной 10.I. 1929. — Собрание Т. Н. Жуковской (Москва).¹⁹ ИРЛИ, библиотека. 94⁵/50.

II. НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО БЛОКА К М. А. ВОЛОШИНУ

Сообщение Р. Б. В а л ь б е

До сих пор было известно только одно письмо Блока к М. А. Волошину — от 6 января 1907 г., содержащее приглашение на чтение пьесы «Незнакомка» (оно приведено выше, в сообщении В. П. Купченко).

Публикуемое нами другое письмо Блока обнаружено в архиве Елизаветы Яковлевны Эфрон (1885—1976) — режиссера и педагога художественного слова. Е. Я. Эфрон и ее семью соединяла с Волошиным тесная и долговременная дружба. С этим связано возникновение своеобразной коммуны, получившей шутовское название — «обормотник». Коммуна эта была создана летом 1911 г. в Коктебеле. Ядро ее составили М. А. Волошин, его мать Елена Оттобальдовна, сестры Эфрон — Елизавета и Вера, их брат Сергей и его будущая жена Марина Ивановна Цветаева. Осенью 1911 г. Эфроны, Марина Цветаева и Е. О. Волошина поселились вместе в Москве. Волошин, находившийся в это время в Париже, писал Е. Я. Эфрон 30 октября 1911 г.: «О Вашем обормотском житии (<...> я думаю как о доме» (ЦГАЛИ, ф. Е. Я. Эфрон). Состав «обормотника» менялся, менялся и его адрес. Но неизменно в течение 1911—1916 гг. с наступлением холодных месяцев поселялась здесь Е. О. Волошина. Сюда же возвращался из заграничных поездок и сам Волошин.

Царицей «обормотника» или «Царь-Девницей обормотской» шутовски титуловали Е. Я. Эфрон. Сохранилась рукописная книжечка, куда рукой Волошина вписано посвященное ей стихотворение:

Л и л я

Полет ее собачьих глаз
Огромных грустных и прекрасных,
И сила токов неогласных
Двух близких и враждебных рас,
И звонкий смех, неудержимо
Вскипающий как своп огней —
Неволит всех спешащих мимо
Шаги замедлить перед ней.
Тяжелый стан бескрылой птицы
Ее стесняет и гнетет,
Но шея гордый поворот,
Но глаз крылатые ресницы,
Но вознесенный мгlistый лоб,
Но музыкальность скорбных линий —
Прекрасны...

Ей родиться шло б
Цыганкой или герцогиней...
Все платья кажутся на ней
Одеждой нищенской и сирой,
А рубище ее — порфирой
Сладеет с царственных плечей.
В ней все свободно, своерavno:
Обида, смех и гнев «всерьез»,
Обман, свершенный слишком явно,
Копна нечесаных волос,
Величие и обормотство,
И мстительность, и доброта...
Но несканна красота
И нет в моем портрете сходства.

28 янв. 1913 г.

М а к с

В начале апреля 1916 г. Волошин возвратился из Франции через Петербург в Москву, затем в Коктебель. В Петербурге он встречался с жившей там в это время Е. Я. Эфрон. Уезжая в Москву в середине апреля, он поручил ей передать Блоку свою вышедшую в марте этого года в Москве, в издательстве «Зерна», книгу «Anno mundi ardentis» («В год пылающего мира») с дарственной надписью (книга эта ныне находится в библиотеке ИРЛИ, дарственная надпись приведена в сообщении В. П. Купченко).

Е. Я. Эфрон передала Блоку книгу, по всей вероятности, между 17 и 29 апреля. Письмо было отправлено Блоком по адресу: Москва, М. Молчановка, 8, кв. 27; пришло в Москву 1 мая. Впоследствии по просьбе Е. Я. Эфрон письмо Блока было ей подарено Волошиным (ныне хранится в ЦГАЛИ).